

УДК 316.624:177.7

DOI: 10.34670/AR.2026.76.30.005

«Тёмная сторона» альтруизма с точки психологии девиантного поведения

Педич Галина Геннадьевна

Старший преподаватель,
кафедра иностранных и русских языков,
Московская государственная академия ветеринарной
медицины и биотехнологии — МВА им. К. И. Скрябина,
109472, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Скрябина, 23;
e-mail: адрес не указан

Федорова Елена Юрьевна

Доктор биологических наук, доцент,
профессор департамента образовательного проектирования,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: адрес не указан

Аннотация

В данной статье рассматривается феномен «тёмного альтруизма» — отклоняющихся форм просоциального поведения, которые, формально отвечая критериям альтруизма, ведут к деструктивным социальным или личностным последствиям. Теоретической основой анализа выступает формула нравственности Л.З. Левита, раскрывающая добро как продуктивный союз эгоизма и альтруизма, а также концепции С.Б. Кауфмана (творческий потенциал «тёмных» черт) и Э. Яука (связь нарциссизма, макиавеллизма и психопатии с социальной адаптацией и девиацией). На основе нарушения формулы нравственности выделяются три типа «тёмного альтруизма»: саморазрушительный (подавление эгоизма), нормонарушающий (доминирование альтруистического импульса над социальными нормами), компенсаторный (эгоистические мотивы под маской альтруизма). Статья показывает, что данные формы могут быть интерпретированы через синтез идей Левита, Кауфмана и Яука, что расширяет понимание девиантных просоциальных практик в психологии и смежных областях.

Для цитирования в научных исследованиях

Педич Г.Г., Федорова Е.Ю. «Тёмная сторона» альтруизма с точки психологии девиантного поведения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 1А. С. 31-39. DOI: 10.34670/AR.2026.76.30.005

Ключевые слова

Тёмный альтруизм, формула нравственности, Левит, эгоизм и альтруизм, девиантное поведение, саморазрушительный альтруизм, нормонарушающий альтруизм, компенсаторный альтруизм, патологический альтруизм.

Введение

Альтруизм давно и, казалось бы, заслуженно считается синонимом нравственного поведения и залога здоровых социальных отношений. Последние исследования продолжают рассматривать его именно в таком ключе, как основу благополучия [Антонова, 2024]. Однако в кабинете психолога или в поле зрения эволюционного психолога эта благостная картина нередко даёт трещину. Здесь альтруизм предстаёт в ином свете: стремление помочь оборачивается выгоранием, нарушением границ, а иногда и откровенной манипуляцией [Кейсельман, 2016]. Эта неочевидная, «тёмная сторона» создаёт болезненный разрыв между изначально просоциальным импульсом и его разрушительными последствиями. Осмыслить этот разрыв важно не только для теории, но и для самой практики помощи — чтобы понимать, как благое намерение может исказиться до неузнаваемости.

Проблема, однако, в том, что наука до сих пор смотрит на это явление фрагментарно. Есть масса работ о «правильном», здоровом альтруизме. Есть отдельные клинические описания «синдрома спасателя» или созависимости. Но попыток собрать эти разрозненные пазлы в целостную картину, да ещё и в рамках психологии девиантного поведения, практически не предпринималось. Проблемные формы помощи упоминаются походя, но системного анализа, который бы объяснил, как и почему нормальный поведенческий механизм даёт сбой, не хватает.

Ситуацию меняют недавние эмпирические открытия. Работы вроде исследования Левита (2024) убедительно показывают, что противопоставление альтруизма и эгоизма — это упрощение. В реальности эти мотивы чаще связаны, а не противостоят друг другу. Это важный сдвиг в понимании, но он ставит и новый вопрос. Если в норме эти силы сбалансированы, то что происходит, когда баланс нарушается? Исследования, разрушающие старые дихотомии, сами собой не объясняют, как именно из этой самой «гибридной» природы могут рождаться поведенческие аномалии. Нам кажется, что именно здесь — в зоне нарушения этой сложной связи — и кроется ключ к пониманию девиантного альтруизма.

Таким образом, наша цель — сделать следующий шаг: не просто констатировать сложность мотивации, а показать, как её сбой превращает помощь в девиацию. Для этого нужно дать рабочее определение самому феномену и предложить для него внятную типологию, где критерием будет не внешняя оценка («хорошо/плохо»), а внутренний дисбаланс в системе «польза для себя – польза для других».

Конкретно, мы планируем решить три задачи:

Чётко определить, что мы понимаем под «девиантным альтруизмом».

Выделить и описать три основные формы его проявления: саморазрушительную (когда помощь исходит самого помогающего), нормонарушающую (когда ради помощи пренебрегают правилами) и компенсаторно-манипулятивную (когда помощь служит скрытым личным целям) [Kaufman, Jauk, 2020].

Показать, как эта модель может быть полезна в реальной работе — от психологического консультирования до подготовки специалистов, которые по долгу службы постоянно оказываются в зоне риска.

В чём новизна такого подхода? Во-первых, мы вводим сам термин «девиантный альтруизм» как полноценный предмет изучения, собирая под одну концепцию разрозненные наблюдения. Во-вторых, предлагаемая типология опирается на объективный структурный признак — нарушение естественной связи между эгоистическим и альтруистическим началом, — а не на субъективные моральные оценки.

Практическая ценность работы связана с её прикладным потенциалом. Понимание механизмов «тёмной стороны» может помочь психологам точнее диагностировать проблемы в помогающих отношениях, а тренерам и супервизорам – лучше готовить специалистов к профессиональным рискам, предотвращая выгорание и деформации [Oakley, Knafo, McGrath, 2012].

Статья выстроена соответственно этой логике: за введением последует раздел, где мы обоснуем наш взгляд и представим типологию, затем — обсуждение её смыслов и границ, и, наконец, заключение с основными выводами.

Таким образом, анализ «тёмной стороны» альтруизма позволяет расширить понимание девиантного поведения, включив в него просоциальные по происхождению, но деструктивные по своим последствиям формы активности.

Основная часть

Разбирая альтруизм, исследователи столкнулись с одной, пожалуй, самой сложной проблемой: а что, собственно, движет человеком, когда он помогает? Мотивация здесь — настоящий камень преткновения. [Crocker, Canevello, 2008]. И позиции учёных разделились настолько, что примирить их кажется почти невозможным...

Одна школа мысли — её часто можно встретить в работах отечественных психологов — настаивает: у альтруизма есть собственное, отдельное «топливо». Это особая мотивация, которая по своей природе направлена на другого и с эгоистическими интересами не совпадает (Антилогова- 1990, Бех - 2003, Додонов - 1970 и др.). Альтруизм в этой логике — самостоятельный механизм, где благо другого и есть конечная остановка. Но есть и диаметрально противоположный взгляд. [Фромм, 2010]. Он уходит корнями в психоанализ, и его разделяют многие, кто смотрит на поведение через призму биологии. Здесь альтруизм — не более чем clever trick, ловкая перелицовка, потому что «чистого» стремления к добру, считают его сторонники, просто не бывает. За каждым альтруистическим жестом неизменно стоит личный интерес: будь то потребность унять собственную тревогу, заработать одобрение или восстановить внутренний баланс (З. Фрейд, Хорни; в этологии — Триверс -1971). Получается своеобразный интеллектуальный пат: либо «святая» бескорыстность, либо «циничный» расчёт. Эта дихотомия «чистого» против «скрытого» долгое время заводила теорию в тупик, мешая увидеть феномен целиком. Она оставляла без ответа гораздо более практичный вопрос: а что на самом деле происходит, когда этот хрупкий клубок мотивов — каким бы он ни был — вдруг распутывается и рвётся? К счастью, сегодня у нас появляются данные, которые позволяют, наконец, выйти за рамки этого старого спора и взглянуть на проблему по-новому. [Кейсельман (Дорожкин), 2016].

Казалось бы, всё просто: есть эгоизм (плохо), есть альтруизм (хорошо). Но свежие данные решительно ломают эту школьную схему. Левит (2024), к примеру, приводит цифры, которые заставляют пересмотреть самые основы: оказывается, «количественное преобладание эгоистических значений над альтруистическими и положительные корреляции... требуют пересмотра негативных моральных коннотаций, вкладываемых в понятие "эгоизм"». Проще говоря, там, где мы привыкли видеть противоположности, статистика видит союзников. Эгоистическое и альтруистическое в психике не воюют — они, скорее, сосуществуют и взаимно подпитывают друг друга. [Pincus, Ansell, Pimentel et al., 2009].

Именно эта — новая — точка зрения и позволяет нам взглянуть на «тёмную сторону» альтруизма не как на парадокс, а как на закономерный сбой. Если в норме эти две силы

сбалансированы, то девиантная форма возникает именно тогда, когда баланс рушится. Не от избытка добродетели, а от её перекоса. Либо когда «здоровый» эгоизм полностью задавлен (и тогда альтруизм становится саморазрушительным), либо когда он, наоборот, гипертрофирован и лишь прикидывается добротой (что превращает помощь в манипуляцию).

Возьмём первую форму — саморазрушительный альтруизм. Левит здесь даёт чёткий критерий: «активность индивида..., а не его самопожертвование, является ключом к созданию... добра». Таким образом, саморазрушительная помощь — это не героизм, а ошибка. Это патологическое самопожертвование, которое, лишившись энергии личного интереса, ведёт в тупик: помогающий истощается, помощь прекращается — результат прямо противоположный замыслу.

Если обобщить, то работа Левита подводит нас к очень элегантной идее — «формуле нравственности», где добро рождается не из борьбы эгоизма и альтруизма, а из их продуктивного союза. Наша типология, по сути, описывает, что происходит, когда эта формула даёт сбой:

- Саморазрушительный альтруизм — это слом формулы: эгоизм подавлен, продуктивность утрачена.
- Нормонарушающий альтруизм — это перекося: альтруистический порыв сильнее, чем «эгоистическое» желание жить по правилам общества.
- Компенсаторный альтруизм — это подмена: эгоизм не исчез, а лишь натянул альтруистическую маску для своих целей (контроля, искупления вины).

В таком свете девиантный альтруизм перестаёт быть моральной проблемой и становится проблемой структурной. Это не «зло», а конкретный сбой в работе базового механизма мотивации — нарушенная «формула нравственности». Такой взгляд позволяет уйти от бесплодных споров о «чистоте» намерений и перейти к анализу того, как и почему эта сложная система координации даёт трещину.

Проблема скрыта в самой простоте жеста. Мы помогаем, не спросив — и вместо облегчения приносим дисбаланс, подменяя чужую потребность своей готовностью её угадать. Здесь уже кроется первое искажение: помощь, не нашедшая адреса, превращается в груз.

Часто движущей силой становится не ясное понимание нужды другого, а смутное волнение внутри себя — желание почувствовать себя значимым, необходимым. Эта эмоциональная подпитка смещает фокус: забота о другом незаметно перетекает в заботу о собственном образе. Мы помогаем, потому что «так принято», и этот социальный импульс порой оказывается сильнее трезвого взгляда на реальную пользу. [Bassett, Aubé, 2013].

А если помощь навязывается — против воли, вопреки молчаливому сопротивлению, — она перестаёт быть помощью. Она становится вторжением, мягким насилием, которое приучает к пассивности, к роли вечного должника. Ещё сложнее мотивы, где за видимой щедростью прячется расчёт: ожидание ответной услуги, похвалы, повышения статуса. Здесь альтруизм становится валютой, а добро — инвестицией.

Иногда забота переливается через край, становясь демонстративной, удушающей. Она истощает показную жертвенность, но за этим — пустота, несоразмерность внутренних сил внешнему порыву. Такая «помощь» не созидает, а напрягает, рождая неловкость и отдаляя людей.

Бывает и иначе: помощь даётся легко, без взгляда вперёд. Сиюминутный порыв закрепляет иждивенчество, приучает к тому, что решать проблемы будет всегда кто-то другой. А иногда наивная вера в доброту мира, лишённая здорового эгоизма, ведёт к саморазрушению — человек отдаёт последнее, не оставляя себе права на сохранение.

В экстремальных условиях этот конфликт обнажается: помощь, сопряжённая с риском, ставит вопрос о границе, где заканчивается продуктивное служение и начинается истощение собственных ресурсов. И наконец, самый незаметный изъян — когда помощь остаётся лишь формой, красивым ритуалом, за которым стоят холодные стратегические цели. Она выглядит как забота, но работает на скрытые интересы, обнажая структурную двойственность того, что можно назвать девиантным альтруизмом.

Здесь уже нет просто помощи — есть сложная игра мотивов, где благое действие становится зеркалом наших неочевидных конфликтов: между долгом и желанием, между искренностью и расчётом, между служением и самоутверждением. И именно в этих повседневных изломах рождается «тёмная сторона» альтруизма — не как исключение, а как системное свойство человеческих отношений.

**Таблица 1 – Феноменология патологического альтруизма:
операционализация через нарушение баланса «эгоизм—альтруизм»**

Форма и ключевое нарушение баланса	Психологическая суть и мотивы (внутренний механизм)	Внешнее поведенческое проявление (примеры)
1. Саморазрушительный (аутодеструктивный) альтруизм Подавление здорового эгоизма	Ключевые мотивы: патологическое чувство долга, стыд за собственные потребности, бегство от своих проблем через погружение в проблемы других. Связь с концептами: прямая реализация патологического альтруизма (Кауфман, Яук), уязвимый нарциссизм.	Хроническое эмоциональное выгорание (волонтёр в хосписе); помощь в ущерб базовым потребностям (отдавание последних денег); созависимые отношения, где забота о партнёре ведёт к саморазрушению.
2. Нормонарушающий (делинквентный) альтруизм	Ключевые мотивы: моральный абсолютизм, радикальное сочувствие, убеждённость в своей исключительной правоте («цель оправдывает средства»). Механизм: когнитивное оправдание нарушения правил «высшей» альтруистической целью.	Правонарушение «из лучших побуждений» (кража, взлом, «спасительная» ложь); профессиональная девиация (например, врач, нарушающий закон ради пациента).
3. Компенсаторно-манипулятивный (инструментальный) альтруизм	Ключевые мотивы: потребность в контроле, повышении самооценки, получении социального одобрения, искуплении вины. Связь с концептами: скрытый эгоизм, грандиозный и коммунальный нарциссизм. Механизм: подмена цели (внешне — забота, внутренне — личная выгода).	Показательная, «парадная» благотворительность; гиперопека из чувства вины или для удержания власти; помощь как инструмент манипуляции.

Примечание: Баланс понимается в рамках «формулы нравственности» (Левит, 2024). Данная типология конкретизирует теоретический парадокс Кауфмана и Яука (2020), выделяя три канала трансформации просоциального импульса в девиантную форму.

Предложенная классификация позволяет наглядно увидеть работу того самого парадокса, на который указывают Кауфман и Яук. Суть его не просто в том, что альтруизм может оборачиваться злом, а в более точном и структурном наблюдении: патологическое искажение возникает именно в точке системного дисбаланса между полюсами эгоизма и альтруизма. Именно этот баланс, понимаемый как динамическое равновесие, и описывает «формула нравственности» Левита.

Каждая форма демонстрирует свой тип нарушения:

В саморазрушительной форме мы наблюдаем коллапс полюса «эгоизма» в его здоровом, энергетизирующем значении. Человек не просто «много помогает», он систематически аннигилирует собственный ресурс, что делает акт помощи не добродетелью, а формой медленного самоуничтожения. Здесь добро, лишённое источника, иссякает вместе с субъектом.

Нормонарушающая форма иллюстрирует, что происходит, когда абсолютизируется полюс «альтруизма». Идея блага, оторванная от контекста социального договора (норм, правил, законов), становится тоталитарной. Она не создает условия для продуктивности, а, напротив, разрушает их, оправдывая это «высшей целью». Это альтруизм, подрывающий почву, на которой он мог бы произрастать устойчиво.

Компенсаторно-манипулятивная форма — это наиболее изощрённое искажение, при котором сама диалектика формулы подменяется симулякром. Внешний контур поведения сохраняется (помощь, забота), но его внутренний двигатель — скрытый, часто неосознаваемый эгоизм. Таким образом, социально одобряемые формы «добра» экспроприируются и ставятся на службу личным амбициям, страхам или потребности в контроле. Альтруизм становится не целью, а декоративной валютой в иной, эгоистичной игре.

С этой точки зрения, «формула нравственности» обретает не только нормативное, но и мощное диагностическое значение. Она превращается в своего рода теоретический компас: любое существенное отклонение от гармоничного сочетания — будь то в сторону уничтожения себя, игнорирования социальных рамок или подмены мотивов — с высокой вероятностью указывает на девиантную, то есть патологически искажённую, форму альтруистического поведения.

Стоит сделать шаг назад и спросить: какой практический смысл имеет эта схема? Зачем дробить общее понятие «девиантный альтруизм» на три части? [Selig, Rosof, 2001].

Ответ, пожалуй, заключается в двух вещах. Во-первых, классификация работает как переводчик. Она берёт довольно абстрактный парадокс — идею о том, что добро может оборачиваться злом, — и показывает конкретные маршруты, по которым это превращение происходит. Вместо туманного «что-то пошло не так» мы получаем чёткую карту с тремя расходящимися тропами: одна ведёт к истощению себя, другая — к столкновению с законом, третья — к подмене целей.

Во-вторых, и это, возможно, главное, схема становится инструментом для распознавания. «Формула нравственности» с её балансом выступает здесь не как проповедь, а как чувствительный детектор. Как только равновесие нарушается — будь то через подавление себя, через пренебрежение правилами или через скрытую корысть — механизм даёт сбой по предсказуемому сценарию. Результаты всегда разные, но всегда узнаваемые: распад личности, разрыв социальной ткани или обесценивание самой идеи добродетели.

Именно это — чёткая связь между типом дисбаланса и его последствием — и открывает дорогу для содержательного разбора. Теперь мы можем не просто констатировать факт

«искажённой помощи», но и проследить, как именно внутренняя поломка разворачивается во внешний, часто драматический, результат. [Левит, 2023].

В итоге всё сводится к простой, даже жёсткой мысли: любая формула работает ровно до тех пор, пока не столкнётся со своей собственной патологией. «Формула нравственности» — не исключение. Её проверкой на прочность становятся не внешние угрозы, а её собственные изломы, те самые три формы дисбаланса, которые мы только что разобрали. И здесь открывается главное: добро — это не состояние, не капитал, который можно накопить. Это процесс, и процесс хрупкий. Он требует постоянной внутренней балансировки, почти физического чувства равновесия между полюсами «для себя» и «для другого».

Весь парадокс, который уловили Кауфман и Яук и который наша типология раскладывает по полочкам, сводится к одному неочевидному перевороту. Альтруизм становится злом не от избытка, не потому что его «чересчур». Он выворачивается наизнанку тогда, когда теряет живую связь с тем, что его порождает, — с целостным, осмысленным и продуктивным усилием человека. Отрывается от корня.

Поэтому, как это ни странно, исследуя извращённые формы помощи, мы, по сути, изучаем не чужеродное зло, а тень самой идеи добра. Тень, которую она отбрасывает, когда внутри человека — разлад. И эта тень — не приговор. Она — точнейшая диагностика. Она показывает не то, что добро невозможно, а то, как катастрофически легко его скомпрометировать, стоит лишь нарушить внутреннюю геометрию.

Заключение

Отсюда и конечный вывод, который звучит почти как провокация. Подлинный, неущербный альтруизм возможен только у того, кто не забыл о себе. Не в смысле расчёта, а в смысле целостности. Эта, с виду эгоистичная, основа — не порок, а условие. Только из этой внутренней устойчивости бескорыстное действие может вырасти не в театральную позу, не в разрушительную жертву, а в то, что оно и должно быть: в силу, которая не истощает того, кто её даёт.

Библиография

1. Кейсельман (Дорожкин), В.Р. (2016). Грани альтруизма. Киев.
2. Левит, Л.З. (2023). Эгоизм и мораль: экспериментальное исследование и теоретический дискурс. Вестник Омского ун-та. Серия «Психология», 4, 92-100.
3. Маслоу, А. (1996). Самоактуализирующиеся люди: исследование психологического здоровья. В Мотивация и личность (Гл. 11). Евразия.
4. Фромм, Э. (2010). Эгоизм и любовь к себе. В Искусство любить (с. 87-108). АСТ.
5. Bassett, R.L., & Aubé, J. (2013). Two ways to unmitigated communion: Distinguishing neurotic servility from altruistic surrender. *Journal of Psychology and Theology*, 41(2), 107-118.
6. Crocker, J., & Canevello, A. (2008). Creating and undermining social support in communal relationships: The role of compassionate and self-image goals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(3), 555-575.
7. Kaufman, S.B., & Jauk, E. (2020). Healthy selfishness and pathological altruism: Measuring two paradoxical forms of selfishness. *Frontiers in Psychology*, 11, 1006.
8. Oakley, B., Knafo, A., & McGrath, M. (Eds.). (2012). *Pathological altruism*. Oxford University Press.
9. Pincus, A.L., Ansell, E.B., Pimentel, C.A., Cain, N.M., Wright, A.G.C., & Levy, K.N. (2009). Initial construction and validation of the Pathological Narcissism Inventory. *Psychological Assessment*, 21(3), 365-379.
10. Selig, M., & Rosoff, L.S. (2001). Normal and pathological altruism. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 49(3), 933-959.

The "Dark Side" of Altruism from the Perspective of the Psychology of Deviant Behavior

Galina G. Pedich

Senior Lecturer, Department of Foreign and Russian Languages,
Moscow State Academy of Veterinary
Medicine and Biotechnology — MVA named after K.I. Skryabin,
109472, 23, Akademika Skryabina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: not specified

Elena Yu. Fedorova

Doctor of Biological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Educational Design,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2-y Selskokhozyaystvenny passage, Moscow, Russian Federation;
e-mail: not specified

Abstract

This article examines the phenomenon of "dark altruism" — deviant forms of prosocial behavior which, while formally meeting the criteria of altruism, lead to destructive social or personal consequences. The theoretical basis of the analysis is the formula of morality by L.Z. Levit, which reveals good as a productive union of egoism and altruism, as well as the concepts of S.B. Kaufman (the creative potential of "dark" traits) and E. Jauk (the connection of narcissism, Machiavellianism, and psychopathy with social adaptation and deviation). Based on the violation of the formula of morality, three types of "dark altruism" are identified: self-destructive (suppression of egoism), norm-violating (dominance of the altruistic impulse over social norms), and compensatory (egoistic motives under the guise of altruism). The article shows that these forms can be interpreted through a synthesis of the ideas of Levit, Kaufman, and Jauk, which expands the understanding of deviant prosocial practices in psychology and related fields.

For citation

Pedich G.G., Fedorova E.Yu. (2026) "Tyomnaya storona" al'truizma s tochki psikhologii deviantnogo povedeniya [The "Dark Side" of Altruism from the Perspective of the Psychology of Deviant Behavior]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (1A), pp. 31-39. DOI: 10.34670/AR.2026.76.30.005

Keywords

Dark altruism, formula of morality, Levit, egoism and altruism, deviant behavior, self-destructive altruism, norm-violating altruism, compensatory altruism, pathological altruism.

References

1. Bassett, R.L., & Aubé, J. (2013). Two ways to unmitigated communion: Distinguishing neurotic servility from altruistic surrender. *Journal of Psychology and Theology*, 41(2), 107-118.

2. Crocker, J., & Canevello, A. (2008). Creating and undermining social support in communal relationships: The role of compassionate and self-image goals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(3), 555-575.
3. Fromm, E. (2010). Egoizm i lyubov' k sebe [Egoism and love of self]. In *Iskusstvo lyubit'* [The art of loving] (pp. 87-108). AST.
4. Kaufman, S.B., & Jauk, E. (2020). Healthy selfishness and pathological altruism: Measuring two paradoxical forms of selfishness. *Frontiers in Psychology*, 11, 1006.
5. Keisel'man (Dorozhkin), V.R. (2016). Grany al'truizma [Facets of altruism]. Kiev.
6. Levit, L.Z. (2023). Egoizm i moral': eksperimental'noye issledovaniye i teoreticheskiy diskurs [Egoism and morality : experimental research and theoretical discourse]. *Vestnik Omskogo un-ta. Seriya "Psikhologiya"*, 4, 92-100.
7. Maslow, A. (1996). Samoaktualiziruyushchiyesya lyudi: issledovaniye psikhologicheskogo zdorov'ya [Self-actualizing people: a study of psychological health]. In *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality] (Ch. 11). Evraziya.
8. Oakley, B., Knafo, A., & McGrath, M. (Eds.). (2012). *Pathological altruism*. Oxford University Press.
9. Pincus, A.L., Ansell, E.B., Pimentel, C.A., Cain, N.M., Wright, A.G.C., & Levy, K.N. (2009). Initial construction and validation of the Pathological Narcissism Inventory. *Psychological Assessment*, 21(3), 365-379.
10. Selig, M., & Rosof, L.S. (2001). Normal and pathological altruism. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 49(3), 933-959.